

Глава 29. Притворство

Плеть Ю Цинсуй заказывала для себя особо. С виду — обычный ремень, ничего примечательного, но боль от её ударов была в разы сильнее, чем от любого другого оружия. Даже искушённому в боевых искусствах мастеру после такой порки требовалось не меньше полумесяца, чтобы оклематься.

Ю Цинсуй до крови закусил губу. Ей и в страшном сне не могло присниться, что однажды эта плеть опустится на её собственное тело.

Но сейчас, когда её железной хваткой удерживал Ю Гуаньюй, злость и обида были бессильны. Хуже того, брошенный кем-то ранее камешек так точно угодил ей в колено, что нога совершенно онемела — она даже подняться не могла.

Этот день стал для неё сущим адом, средоточием позора и боли. Глядя на то, как Лю Мухань дрожащими пальцами сжимает рукоять, она лишь злобно ухмылялась. Пусть сейчас за этого маленького оборванца заступились в Шиань-чэне, но стоит им выйти за ворота, и она вернёт ему сегодняшний унижительный долг в десятикратном размере.

Ю Цинсуй с ненавистью уставилась на Лю Муханя, упрямо выпрямив спину. Она ни на грош не верила, что заморыш, едва способный удержать плеть в руках, сможет ударить по-настоящему сильно. Даже если она будет сидеть неподвижно, у этого нищего попросту не хватит духу её покалечить.

Лю Мухань тем временем пытался превозмочь тупую боль в правом плече. На лбу его выступили крупные капли холодного пота, но он лишь крепче сжал оплетённую кожу рукояти.

Собравшаяся вокруг толпа, видя его мучения, неодобрительно качала головами. Люди принялись перешёптываться:

— А малец-то упёртый, характер есть, — донёсся тихий голос из толпы. — Да только толку? Обычный ребёнок, откуда у него силушка? Из кожи вон вылезет, а девку даже не поцарапает. Взял бы лучше серебро, что Ю Гуаньюй предлагал. Полечил бы руку, да и жили бы с братом припеваючи какое-то время.

— Зато у него гордость есть! Тебя вот так ни за что плетью перетянут, ты тоже утрёшься и за монетами поползёшь? Да эту Ю Цинсуй давно пора приструнить! Мальчишки тихонько сидели в сторонке, никого не трогали. А она подскочила и давай махать наотмашь. Мы все из мяса и костей сделаны, с чего она решила, что её кровь голубее?

— Ладно тебе заливать. Это ты мне тут на ушко смелый нашептывать, а в глаза ей сказать слабо? Гордость — штука хорошая, пока тебе голову не снесли. Будь ты на месте малого, неужто полез бы в бутылку с людьми такого полёта?

— Сравнил тоже! Насчёт себя я не дурак — будь я на его месте, я бы с этого Ю Гуаньюя меньше тысячи лан серебра не стряс. Тогда и обиду забыть можно.

— Тьфу, дешёвка продажная!

Разговаривали они тихо, да и стояли поодаль, так что ни Ю Гуаньюй, ни его ученица ничего не расслышали.

Но у Лю Муханя слух был отменный. Он уловил каждое слово. И в голове его занозой засела эта цифра — тысяча лан. По сравнению с ней те жалкие пять лан, что Ю Гуаньюй столь снисходительно швырнул ему, выглядели откровенным издевательством.

Муханю было плевать на серебро. Если бы Ю Цинсуй сразу после удара извинилась, он бы слова не сказал.

Но девчонка и не думала каяться. Да и её наставник, хоть и цедил сквозь зубы слова примирения, смотрел на мальчика сверху вниз, словно делал великое одолжение.

Лю Мухань не был глупцом. С раннего детства он скитался с дедушкой среди нищих и повидал немало странных личностей. Попрошайки выживали по-разному. Одни до блеска отмывали лицо и караулили у лавок богато одетых дам, заискивающе заглядывая им в глаза в надежде на щедрую милостыню. Другие намеренно расковыривали старые раны, чтобы вызывать у прохожих жалость.

Лю Мухань рос в голоде и холоде, порой ему тоже приходилось протягивать руку за куском хлеба, но слова деда он помнил крепко.

«Быть нищим — это беда, когда деться некуда, — часто повторял старик. — Но пока у тебя целы руки и ноги, нельзя привыкать жить чужой милостью. Клянчить куски и пресмыкаться — удел слабых. Это не жизнь, а медленная смерть».

Тогда Мухань был слишком мал и не понимал всей глубины этих слов. Лишь позже, оказавшись в Сяобечжуане, он наткнулся на припрятанный дедом мешочек с семенами. Только тогда он понял: старик до последнего надеялся накопить немного денег, забрать внука, купить клочок земли в глухой деревушке и зажить тихой, честной крестьянской жизнью.

Но мечтам деда не суждено было сбыться — его скосила тяжёлая болезнь. А вскоре после его смерти сироту разыскали люди из Ордена Свободного скитания.

Лю Мухань слишком хорошо знал этот скользкий, брезгливый взгляд, которым сытые господа одаряют уличную грязь. Он надеялся, что оставил это в прошлом, но сегодня снова увидел его на лице заезжего мастера. Но в чём его вина?

Он ведь нарочно увёл Сяо Ханя подальше от толпы, чтобы никому не мешать. И всё равно на них обрушилась эта нелепая, жестокая кара. Из-за этой вздорной девицы его маленький брат едва не пострадал.

Лю Мухань глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Дрожь в правой руке наконец утихла.

Когда он снова открыл глаза, в его взгляде не осталось ни капли нерешительности — лишь холодное упорство. Мальчик резко взмахнул рукой, и тяжёлый хвост плети со свистом рассёк воздух, с хлестким треском опустившись на предплечье Ю Цинсуй.

Этот звук заставил многих в толпе невольно поморщиться.

— А-а-а! — истошно взвизгнула Ю Цинсуй, мгновенно заваливаясь набок. Из её глаз ручьём хлынули слёзы. — Учитель! Учитель, спасите! Моя рука... она отнимается! Я её не чувствую! Учитель, неужели я больше никогда не смогу держать меч?!

Такой отчаянный вопль заставил окружающих опешить.

Ю Гуаньюй испуганно рванулся вперёд. Одним слитным движением он запечатал несколько акупунктурных точек на плече ученицы и принялся спешно вливать в её меридианы собственную внутреннюю энергию, направляя её поток прямоком к пострадавшей руке.

Крики девушки не на шутку встревожили его, так что он не жалел сил. Однако по мере того, как его внутренняя энергия циркулировала по её телу, лицо мастера медленно вытягивалось, а на скулах проступал густой, неловкий румянец.

Мэй Маобин, внимательно наблюдавший за этой сценой со стороны, мгновенно почувствовал неладное. Едва заметив перемену в лице соперника, он без лишних церемоний шагнул вперёд и бесцеремонно схватил Ю Цинсуй за запястье.

— Полно тебе убиваться, племянница, — вкрадчиво проговорил он, нажимая пальцами на пульсирующую жилку. — Твой шибо Мэй кое-что смыслит в искусстве врачевания. Не бойся, я не допущу, чтобы ты осталась калекой.

Мэй Маобин действовал так молниеносно, что Ю Гуаньюй просто не успел преградить ему дорогу. Пока тот соображал, гость уже закончил прощупывать меридианы и отпустил руку девушки.

Все присутствующие, включая самого Ю Гуаньюя, прекрасно понимали: рассказы Мэй Маобина о познаниях в медицине — чистой воды враньё. Ему просто нужен был предлог, чтобы проверить пульс Ю Цинсуй и выяснить, из-за чего так занервничал её учитель.

И старый лис не ошибся. Проверить состояние её каналов не составило труда. Мэй Маобин не

спеша поднялся на ноги, напустив на себя преувеличенно озабоченный вид, и со вздохом покачал головой:

— Ах, у страха, как известно, глаза велики. Племянница наша, видать, слишком уж хрупкого сложения, раз устроила такую бурю в стакане воды. А я-то, старый дурак, перепугался, разволновался... Эх, старость не радость, вечно лезу не в своё дело.

Эти туманные речи тут же принесли плоды. Кто-то из любопытных зевак в толпе крикнул:

— Великий герой Мэй, что же вы там увидели? Объясните толком!

Мэй Маобин заложил руки за спину и с укоризной покачал головой:

— Я всегда полагал, что дева, избравшая путь меча, должна обладать твёрдым духом и стойкостью. Но наша милая племянница... Похоже, брат Ю слишком уж её разбаловал. Так дело не пойдёт, дорогой друг! Ты ведь не сможешь оберегать её до седых волос. Сегодня обычный ребёнок разок протянул её плетью, а шуму-то поднялось, будто её живьём режут. Если завтра в честном бою её заденет настоящий мастер, она что же, сразу в петлю полезет от испуга?

Слова Мэй Маобина звучали вежливо, но за этой мягкостью крылась ядовитая издёвка. Он разве что пальцем не ткнул в Ю Цинсую, прямо обвинив её в дешёвом притворстве.

Толпа намёк поняла мгновенно. Послышались смешки.

У любого, кто хоть немного занимался боевыми искусствами, тело укреплено внутренней энергией. Настоящую угрозу для них представляют лишь удары, наполненные чужой энергией. Обычный же человек, не знающий боевых искусств, может колотить мастера хоть до посинения — тот отделается разве что парой синяков.

Ю Цинсую, будучи ученицей прославленного мастера, хоть и не хватала звёзд с неба, всё же обладала неплохой базой. Когда она вкладывала силу в свою плоть, удары выходили страшными — достаточно было взглянуть на бледного Мэй Цзыминя, чтобы всё понять.

Что же касается удара, который получил Лю Мухань... Мальчик едва держался на ногах, его лицо осунулось от боли, и было очевидно, что ему досталось сполна.

Когда сирота потребовал права на ответный удар, люди в толпе отнеслись к этому по-разному. Кое-кто даже заподозрил, что за внешностью оборванца скрывается малолетний гений, владеющий внутренними техниками. Но стоило Ю Цинсую заголосить на всю площадь, как эти подозрения рассеялись.

Слова Мэй Маобина безжалостно обнажили правду. Раз старейшина Мэй заговорил в таком

тоне, значит, каналы на руке Ю Цинсуй были чисты, без следов чужеродной энергии. Лю Мухань действительно ударил её как обычный ребёнок — без капли внутренней силы. И как бы сильно он ни старался, причинить серьёзный вред защищённому телу практикующего он попросту не мог.

Получалось, что крики и стенания Ю Цинсуй были не более чем нелепой попыткой раздуть скандал на ровном месте.

— Ишь, как заголосила! Думает, раз за малым некому заступиться, так можно из себя жертву строить? — глухо зароптали в толпе.

— Договор был честный: удар за удар. Неужто молодая госпожа решила пойти на попятную?

— Великий герой Ю, малец лишь вернул должок вашей ученице. Неужели вы станете мारать руки о ребёнка?

Мэй Маобин сделал шаг вперёд, заслонив собой Лю Муханя.

— Вообще-то я планировал потребовать, чтобы и мой Цзыминь вернул этой нежной девице должок, — с притворной мягкостью произнёс он. — Но раз уж наша племянница столь... ранима, так и быть, закроем на это глаза. Но учти, брат Ю: если ты решишь продолжить эту склоку, нам с тобой придётся побеседовать совсем по-другому. Что скажешь?

Лицо Ю Гуаньюя стало чернее грозовой тучи. Он с отвращением посмотрел на бьющуюся в истерике ученицу. Гнев душил его.

— А ну встань! — рявкнул он, едва сдерживаясь. — Обычный шлепок, а ты тут устроила цирк! Всю мою честь перед людьми растоптала!

Пожалуй, за всё время обучения Ю Цинсуй ещё никогда не слышала от наставника столь резких слов.

Она испуганно сжалась, но дикая боль в предплечье быстро выжгла из её головы остатки разума. Распластавшись в пыли, она вцепилась в сапоги Ю Гуаньюя, захлёбываясь слезами и злобой:

— Учитель, клянусь, рука умирает! Этот паршивый попрошайка ударил меня какой-то грязной уловкой, он нарочно хотел меня покалечить! Учитель, убейте его! Вы должны его прикончить, отомстите за меня!

Ю Гуаньюй замер, поражённый её глупостью.

Мэй Маобин тем временем лишь ухмыльнулся, сузив глаза:

— Надо же... А я всё гадал, правду ли болтают в цзянху. Дескать, объявилась в наших краях вздорная особа, которая горазда устраивать дешёвые истерики, лить слёзы и грозить петлём, чтобы под этим соусом калечить учеников из приличных орденов, прикрываясь авторитетом своего покровителя. Неужто этим грозным защитником всегда был ты, брат Ю?

Ю Гуаньюй онемел от такой наглости. Он прекрасно понимал, что Мэй Маобин безбожно врёт, выдумывая слухи на ходу, лишь бы побольнее уязвить его и поквитаться за обиду своего ученика.

Но если он сейчас не заставит Ю Цинсуй заткнуться, эта ядовитая клевета мгновенно разлетится по трактирам. Стоит праведным орденам ухватиться за этот повод, и они с радостью объявят его вне закона.

Ю Гуаньюй слишком хорошо знал лицемерные повадки верхушки цзянху. Если сегодняшняя глупость его ученицы станет достоянием общественности, его репутации придёт конец, а сам он станет изгоем.

Ярость заклокотала у него в груди. Когда Ю Цинсуй снова поползла к нему, цепляясь за подол и требуя расправы над мальчишкой, он не выдержал. Замахнувшись, он с силой влепил ей звонкую, сокрушительную пощёчину.

— Заткнись! — процедил он сквозь зубы, побелев от бешенства. — Если ещё раз услышу эту чушь и не увижу раскаяния, я сам переломаю тебе обе руки!

<http://bllate.org/book/18166/1752214>